

В.М. Янович

Пермяки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
В11

В11 **В.М. Янович**
Пермяки / В.М. Янович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-458-16823-6

Этнографический очерк

ISBN 978-5-458-16823-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

изъ его семьи помретъ, либо скотина падеть. Словомъ можно положительно сказать: «такая встрѣча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится, какъ это здѣсь дознано-де долготѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всѣ тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ: «гдѣ найти потерю»? На что и не замедлить послѣдовать обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзнью отнюдь нельзя курить: икота табака не любитъ; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получилъ. Тотъ, кто видѣлъ меня курящимъ, говорилъ: «свово знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насъ, русскихъ, также принадлежатъ къ категоріи злыхъ духовъ и приносятъ населенію немало непріятностей; чаще же всего они доятъ коровъ. Изъ духовъ наиболѣе виднымъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждаго жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроеннаго дома. Постоянная резиденція сусѣдки — подполье (голубецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка почищаютъ и холятъ его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскателенъ—слѣдуетъ только ему ни въ чемъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; онъ не пугаетъ людей, и если его и побанваются, то все же божескихъ почестей ему не воздаютъ, а просто задабриваютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставятъ въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ поѣсть ее. Повидимому, онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволенъ, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣетъ, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволенъ, тогда онъ и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея онъ наплететъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что больше любятъ), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство прахомъ пойдетъ: все равно старайся—не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро-сплетенными косами—стоитъ только ихъ расчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мнѣ лично приходилось видѣть подобныя косы въ головѣ и бородѣ у нѣкихъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ полнымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдской любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видятъ его, а большей части слышатъ, когда онъ сѣетъ муку. Это совсѣмъ маленькій и сѣдинный старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленькій, синенькій огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старшій, возьметъ да и начнетъ давить соннаго человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давишь», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водяной (ваисъ-кульпінъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницъ онъ непременно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбу черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни удерживай. Какую голову давали водяному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (бродомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкъ) выдернетъ и броситъ въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинныя волосы, засѣвъ гдѣ-нибудь между ивовыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усѣянной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домахъ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣлывается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запереть во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоитъ только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запирають замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по-пермяцки «йертанъ», очевидно исковерканное слово Йердань.

«Православный» пермякъ вѣруеть въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи, по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы» ¹⁾. Въ рудникахъ и штольняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждять.

Понятія пермяковъ объ единомъ истинномъ Богѣ весьма скудны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдѣльнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношеній. Такъ наприм., на Марію Голендуху, слышную за куринаго бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индѣйки и проч.; на праздникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ Кочѣ, Чердынскаго уѣзда, приводятся «невинные» быки, бараны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводятъ скотъ изъ разныхъ мѣстъ, вереть за сто и болѣе. Не имѣющимъ лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертвоприношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаетъ въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашиваетъ: «Какого Бога купилъ»?—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь.—«Какъ Чудотворца?» вполношился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая».—«То-то, удовлетворился старикъ, а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесь натворилъ!?... Вотъ какъ святитель, я поставлю его въ уголокъ—пусть святить. Чудотворца, говоритъ, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басенькій (красивый, хорошій, приглядный) старичекъ!» Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, приобщившись св. Тайнъ, спросила священника: «А когда исповѣдаться-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться.—«Ты зачѣмъ, говоритъ ему священникъ, вѣдь ты не говѣлъ»?—«Нѣтъ,

¹⁾ Въ самое недавнее время въ полдни, т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человекъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадается—въ припадкѣ злости она можетъ съѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все не отходишь, вотъ я и пошелъ отъ скуки съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд. молитва: «Егорій храбрый, Микова Мивостивый, темные лѣса, лѣсные звѣри, спасите и сохраните меня; матушка вода не прогвоти, а будь мивостива»! Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермянокъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходятъ крупныя недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счастья» или, если ребенокъ боленъ, то она или сама, когда много причастниковъ, или черезъ посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученіемъ «счастья» во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаются не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у каждаго изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую приходится получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой коровы, Авфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и съ просьбами такого рода: «Батюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы Агапіи», а потомъ, черезъ день-два: «батюшка, разслужи молебенъ, что я заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на происшедшую между пріятельницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ уваженіемъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже иногда языческихъ обрядовъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ не отказывается, но самаго населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуждается, забывая, что въ этой косности далеко небезвинно и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли высказать на своемъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если они говорятъ «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ русскихъ. Слово «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣтъ. Пришелъ, сунулъ руку для рукопожатія—значитъ поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—значитъ простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣтъ пермяцкаго слова, выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, относящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перешеголяли насъ, русскихъ. Воровство—общій всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма сильно и за порокъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣтъ, и почему бы не наоборотъ»? Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что лежатъ въ люлькахъ. Гостепріимны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Рѣшительно каждаго пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ и недруга, угощаютъ брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣшнимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермяка гостямъ и каждому встрѣчному предлагается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермякъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чердыни) за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовы рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити (разумѣется Орелъ) и около-бъ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городокъ неписменныхъ и нетяглыхъ называти» («Пермская старина» А. Дмитріева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Инва, Обва и Коса, по теченію которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣчкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованныхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 іюля («Указъ разнымъ бургомистрамъ объ утвержденіи за Григоріемъ Дмитр. Строгановымъ погостовъ по Обвѣ, Инвѣ и Косвѣ») отошло за него людей 14.003 чел. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермякамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» бунтъ, описаніе котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патриотизмѣ у пермяковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко онъ постоять съумѣетъ. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на однѣ стѣны.

Главный родъ занятій пермяковъ—хлѣбопашество. Зимой, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермякъ идетъ на самыя трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ трудѣ за безцѣнокъ неприкосновенность пермяка даетъ себя знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя—заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

имѣется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшекъ включительно, по никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удойны. Оно и не мудрено: кормятъ ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видятъ; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доятъ, такъ какъ пермянки говорятъ: «рукамъ ководно». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придетъ корова домой—подоятъ, не придетъ—искать стануть, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянина такая роскошь едва ли даже понятна.

Умѣя брать для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣетъ ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодъ, заставляетъ непривычнаго отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаній. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ, Чердынскаго уѣзда, у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Брага—питье мучное и густое; чтобы оно было крѣпче, его держатъ на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькіе червячки. Эти червячки быстро растутъ, становятся прежирѣйшими. Попали въ кружку,—ковырнулъ перстомъ, и нѣтъ досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ скотъ по зимамъ живетъ въ жилыхъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатой. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомѣрно великъ. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцію: плеснетъ изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлья. Бѣлье носится обоими полами по долгу, а иной разъ и до тѣхъ поръ, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чуть теплой водѣ. Прямими послѣдствіями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и миллиарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣ легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣпыхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣпого пермяка, женившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣпороджденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣпороджденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей не водится. Всѣмъ извѣстно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, идти въ свои курныя бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ вліяніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жаромъ кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, пермякъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточнаго становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покупаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуется оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальные заразные и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляетъ немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермяцк. краѣ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, и ими не вычесывается; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя, въ силу какихъ-то непонятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводять, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣвшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебные обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при поѣзжанахъ, и вопіющая грязь никто не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ пэшванъ — вѣсить, вѣшаніе. Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напимѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи котораго можно вполне достоверно узнать: какой богъ или какой покойникъ «нашелъ» на больного (значить, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мышвисъ». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльнаго бога,—вотъ его-то именно и находятъ при помощи заклятія. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣченію при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврига чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ названіе: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вязущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводитъ имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животного. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ извѣстныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладетъ узелокъ къ хлѣбу, гаситъ огарокъ восковой свѣчки и кладетъ ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащій до сихъ поръ на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божницѣ до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшванницѣ, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшванницѣ рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесшій его приходитъ узнавать о результатѣ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самымъ ран-

нимъ утромъ на тошакъ и закрываетъ ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящіе уголья. Затѣмъ, она беретъ изъ принесеннаго узелка огарокъ свѣчки и зажигаетъ его передъ иконами, къ образамъ же кладется и челпанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гаситъ свѣчку и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящіе уголья. Хмѣль при горѣніи начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжвисъ или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, знахарка приступаетъ къ самому важному дѣйствию—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе черъэшвана производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обычно къ полатѣмъ такъ, чтобы топорѣще было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному такъ обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, черъэшванница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексѣя, Божьяго чемовѣка—Егвенской, Егорей—Крабой Юсьвинской, Шипицинскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣскѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиранія боговъ топоръ не закачается, то знахарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закралось сомнѣніе при имени какого бога качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произноситъ ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени котораго качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебень, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удовольствываясь такимъ образомъ въ невиновности боговъ, черъэшванница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается черъэшванница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а топоръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ знахарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шеи). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда знахарка узнаетъ имя напавшаго бога (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно богъ или покойникъ напалъ на него, онъ старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе черъэшванницы, и так. обр. убогаторивъ бога, выздоровѣть самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквахъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбѣленнаго воска и рѣзко цвѣтомъ и формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челпанъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черъэшванницъ. Всѣ знахарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаяній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣйствіи пациентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черъэшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжливецъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самыя невинныя, самыя безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенною славою пользуются тѣ знахари, которыхъ слѣпая судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполне обезпечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такіе счастливыцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чашку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водой поятъ или натираютъ больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжлильца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся знахарей былъ нѣкто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому извѣстныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему пріѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ